БИО
ГРАФИЯ

Гилберт Кийт Честертон

Святой Франциск Ассизский

Перевод с английского
Наталии Трауберг

ФТМ

Гилберт Кийт Честертон
Святой Франциск Ассизский
Серия «Биография (ФТМ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38858565
Святой Франциск Ассизский: ФТМ; Москва; 2019
ISBN 978-5-4467-1425-4

Аннотация

Гилберта Честертона по праву признают классиком английского детектива. Но мало кто знает, что писал он не только о католическом священнике отце Брауне. Его легкому журналистскому перу принадлежал трактаты о христианстве, например, «Вечный человек» и исторические исследования о католических святых Фоме Аквинском и Франциске Ассизском. Как говорил сам Честертон о святом Франциске: «Этого великого и поразительного человека можно рассматривать как историческое лицо и воплощение общественных добродетелей и как единственного в мире демократа». И совершенно точно заключение автора, что святой Франциск обогнал свой век и предвосхитил все лучшее, либеральное, доброе, что только есть в современном мире.

Содержание

Введение 5
Глава 1 19
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Гилберт Кийт Честертон
Святой Франциск Ассизский

© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2019
© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

Введение
Гилберт Кийт Честертон и его трактаты

Вероятно, почти все признают Честертона классиком английской литературы, хотя бы классиком детектива. Читают его много, знают – мало и потому все еще удивляются, что писал он не только о католическом священнике, отце Брауне, чье священство нередко воспринимается как условность, но и о католических святых, и о христианстве вообще. После этой книги, видимо, удивляться будет трудно – в ней собраны его трактаты, которые, надеюсь, говорят сами за себя. Пересказывать их не стану; и здесь лишь попытаюсь предостеречь от недоразумений, постоянно возникающих, когда речь идет о Честертоне.

Внешне и житейская, и литературная судьба Честертона очень счастлива. Родился он в уютной и просвещенной семье 29 мая 1874 года, учился в одной из старейших и лучших школ, в 25–26 лет стал необычайно популярен, писал много, умер легко. Он был рассеянным и добрым, огромным и неуклюжим; его сравнивали с Рождественским дедом. Когда ему было 34 года, он написал «Ортодоксию», книгу о правоверии – наверное, одну из самых радостных книг нашего века.

Можно тут же описать и «второй план» – в отрочестве, юности и ранней молодости он невыносимо страдал от духа времени, лишенного надежды, любви и веры, и от собственного душевного мрака; всю жизнь хворал; на пятом десятке стал смертельно терять популярность и к концу жизни был если не посмешищем, то одиноким пророком. Некоторые критики полагают, что ему лучше было бы умереть в 1914 году. Он тяжело и странно болел, долго был без сознания, и можно сказать, что эта болезнь разделила его жизнь надвое.

Ему было ровно 40 лет. Шоу написал тогда, что возраст этот – роковой для великих людей, чаще всего они умирают. Скорее, такой возраст – 37; но не в этом дело, все тут тайна. Честертон как будто и впрямь умер. До этого он был веселым любимцем англичан, почти все лучшее (из романов и рассказов) написал, всех непрестанно смешил и сам вроде бы непрестанно веселился. Он сочувствовал либералам, до 1909 года – очень активно. У него было только одно несчастье, незадолго до болезни: его младший брат Сесил, известный и смелый журналист, попытался обличить фирму Маркони, которая получала выгодные заказы, тайно ссужая высоких чиновников деньгами, и потерпел полную неудачу. Для старшего брата это было, быть может, еще большим ударом, чем для него.

Началась Первая мировая война. Честертон тяжело заболел. Сесил ушел на фронт, потом погиб. Лет за шесть Гил-

берт Кийт не написал ничего, равного прежним его эссе и рассказам; романов и трактатов вообще в это время не было. Позже, в 20-е годы, вышел новый сборник рассказов об отце Брауне и сборник о другом «сыщике-любителе», Хорне Фишере. Герой его – очень грустный человек, совершенно разуверившийся в том, что политика, да и общественная жизнь, может быть мало-мальски честной.

Стал ли грустным Честертон? Одни пишут, что он стал мудрым, другие – что он стал жалким. Кто бы ни оказался прав (скорее всего и те, и эти), уже не он бросал вызов миру; мир от него отвернулся. Конечно, он оставался живым классиком или на худой конец чем-то вроде полуклассика. Веселил он меньше, меньше и веселился. Он радовался, но радость, особенно в его системе ценностей, ничуть не противопоставлена печали.

То, чему он радовался, уже никак не относилось к «веку сему» – ни к общественной жизни, ни к идеям, ни к проектам. Надежды он ничуть не потерял, но надеялся только на очень простые, частные вещи, связанные не с человечеством, а с человеком.

Третьим, самым важным планом его жизни была несокрушимая, благодарная радость. С той минуты, как юношеский мрак сменился постоянным ощущением чуда, он этой радости не терял и написал о ней перед смертью, в последней главе своей биографии (этой главой, такой важной для него, кончается и наш сборник).

Англия же в то время вступила в ту полосу всезнайства, все отрицания и вседозволенности, последствия которой мир еще и сейчас не расхлебал. На что ей был набожный Честертон, верящий в крестьянство, в природу, в семью, в мужество и целомудрие? Католики хвалили его. Читатели же – не его любимые «common people» (простые, обычные люди), а, по его словам, «те, кто живет среди книг и трибун», – с некоторым презрением удивлялись ему.

Как говорил он сам, случилось так потому, что люди догадались – он пишет всерьез. Этого никогда не любят, а уж в 20-х годах XX века это было совсем не ко времени. Вызов, который он бросал миру, наконец поняли – и ответили удивленным пренебрежением. И тут вышла книга, которую считают лучшей апологией нашего столетия, – «Вечный человек».

Конечно, так считают католики, надеюсь – вообще христиане. Еще в 60-х годах, когда ее стали читать у нас, она удивляла «ненаучностью». Не будем спорить о том, так это или не так, – смысл ее вообще не в этом, – но ведь культ науки был и в 60-х годах, и в 30-х. Словом, ни этот трактат, ни другой, о Фоме Аквинском (1933), не изменили того отношения к Честертону, о котором мы только что говорили – скорее способствовали разочарованию.

Умер он сравнительно рано, всего шестидесяти двух лет, 14 июня 1936 года. Роналд Нокс, священник и критик, написал на его смерть несложный сонет. Приведу эти стихи,

чтобы показать, каким был Честертон для своих искренних почитателей:

«Со мной он плакал», – Браунинг сказал,
«Со мной смеялся», – Диккенс подхватил,
«Со мною, – Блейк заметил, – он играл»,
«Со мной, – признался Чосер, – пиво пил»,
«Со мной, – воскликнул Коббет, – бунтовал»,
«Со мною, – Стивенсон проговорил, –
Он в сердце человеческом читал»,
«Со мною, – молвил Джонсон, – суд вершил».
А он, едва явившийся с земли,
У врат небесных терпеливо ждал,
Как ожидает истина сама,
Пока мудрейших двое не пришли.
«Он бедных возлюбил», – Франциск сказал,
«Он правде послужил», – сказал Фома[1].

Ключ к сонету прост – именно об этих людях у Честертона есть книги (о докторе Джонсоне – пьеса). Известней всего – книга о Диккенсе (1906). Книги о «двух мудрейших» читатель найдет в этом сборнике. Вторую из них ценили многие томисты XX века. Создан «Святой Фома Аквинский» незадолго до смерти, Честертону было трудно писать, он диктовал, и секретарь его Дороти Коллинз рассказывала, что он говорил ей: «Давайте-ка поделаем Томми!» Книга очень

[1] Пер. А. Якобсона.

неровная, но – как почти всегда у Честертона – некоторые абзацы, а порой и страницы с лихвой искупают ее недостатки. «Святой Франциск» ровнее, он написан (не надиктован) раньше, в 1923 году, вскоре после того как Честертон и формально стал католиком.

Когда Честертон умер и Нокс читал свой сонет вместо надгробного слова, пришла телеграмма из Ватикана, в которой человека, называвшего себя только журналистом, именовали «защитником веры». Вскоре Уолтер де ла Мэр написал еще одни стихи, для надгробия, и всякий, кто приедет в Биконсфилд, увидит слова: «Рыцарь Святого Духа…»

Надеюсь, этому уже не удивятся – но возникает другое затруднение. Когда неизданные переводы его статей и книг стали ходить по рукам – а началось это в 1961 году, – читатели, знавшие понаслышке, что он проповедник и апологет, нередко удивлялись его непозволительной легкости. Одних христианских мыслителей читать трудно, других – нетрудно, но все же они посерьезней, чем какая-то «христианская журналистика». Легкость его вводила в соблазн, и многие склонны были, несмотря на объяснения, решить, что он все же эксцентрик ради эксцентрики, но – в отличие от любителей его детективных притч – не восхищались этим, а скорее недоумевали.

Всякому, кто собирается читать Честертона, полезно помнить, что так бывает с ним всегда. Он любил сюжеты, основанные на том, что кого-то просто не видят, чего-то не слы-

шат. Именно это случилось с ним самим, в нем постоянно не замечают чего-нибудь; и этот очерк – только перечень слепых пятен. Тем, кого смутила его легкость, помочь нетрудно. Честертон легок, но не легковесен. Он не относился всерьез к себе, но всегда принимал всерьез свои мнения. Наверное, больше всего на свете он ненавидел гордыню. Собственно, незачем гадать: он абсолютно верен учению, согласно которому гордыня – грех грехов, и сам писал, что если бы ему дали прочитать одну-единственную проповедь, он говорил бы именно о гордыне. Гордыне он противопоставлял смех. Конечно, он знал, что есть смех гордый и жестокий, смех-глумление; но полагал, что бóльшая опасность в напыщенной серьезности, и противопоставлял ей смех-смирение, первый признак которого – готовность быть смешным, посмеяться над самим собой.

Чтобы этому не изменить, он, всегда за все платившій, намеренно снижал жанр, слог, манеру и своего добился – проповедь его прикрыта, прикровенна. Нельзя гордиться, что ты его читал, нельзя глубокомысленно его цитировать; многого с ним сделать нельзя. Если он для вас не «учитель надежды» (одно из его прозваний – Doctor spei), вы усмехнетесь в лучшем случае снисходительно, в худшем – презрительно. С глупой, многозначительной серьезностью к нему относиться невозможно.

Поэтому именно он имел право написать о Божьем дурачке, святом Франциске. И тут возникает еще одно затрудне-

ние: конечно, кому же еще писать о том, кого именовали «человеком среди святых»? Вспоминаешь, как почитали Франциска либералы прошлого века. Честертон, назвавший одного из любимых героев «последним либералом» и сказавший, что больше всего на свете сам он любит свободу и английские стихи, вполне мог, казалось бы, противопоставить чудачество, смех, свободу всему, совершенно всему остальному. Но это не так.

Чтобы сократить рассказ о «слепых пятнах», прибегнем к тому, что очень любил Честертон, – к трюизмам и к простейшей логике.

Можно быть суровым к себе и другим. Можно быть к себе и другим милостивым. Можно, хотя и мерзко, быть милостивым к себе, а к другим – суровым. Поборники «порядка любой ценой» часто суровы к «беспорядку» вообще – и к своему, и к чужому. Это честно, но очень опасно. Люди 20-х годов (называю их так условно) думали, что они легко прощают и чужие, и свои грехи, особенно «грехи энтропии»; слишком уж всякий порядок был связан у них с тем, что они отвергали, словно подростки, собираясь начать все заново. Франциск был предельно милостив к другим. Если это – либерализм, он – либерал из либералов.

Стоит ли напоминать, особенно после этой книги, что путь святого Франциска не шире и легче других, а уже и труднее? Конечно, в отличие от катаров, предпротестантских движений, позднейших сект, он с жалостью и любовью

смотрел на тех, кто живет иначе. Он не отсекал их от церкви, и все же они были для него «христианами слабого посола», как выразился один нынешний францисканец. Видимо, он считал, что подобные ему и его братцам несут на себе их грехи, отвечают за них, как отвечают взрослые за неразумных детей; но это уже другая тема, сказано об этом много, и здесь в ней не разобраться. Что до Честертона, он действительно «возлюбил бедных». Невольно вспоминаешь Иоанна Златоуста, когда читаешь у него обличения «богатых» (об Евангелии не говорю, слишком часто доказывают, что таких обличений в нем нет). Он именно любил бедных – не только жалел их, но восхищался ими. «Бедные, алмазы Божьи…» – пишет он в эссе «Великан», «трогательные радости бедных» описывает в «Диккенсе». Но верный срединной традиции, он не ставил во главу угла путь добровольной бедности. Франциск считал, что высшую радость обретает только тот, кого прогонят от дверей ненастной ночью. Честертон даже и не пытался встать на такой путь и, что удивительней, почти не славил его, не призывал к нему. «Дом» для него, может быть – главное, ключевое слово. В стихах из «Перелетного кабака» и в одном эссе он отождествляет дом и свободу; в другом эссе, неправильно прочитав слово в старой книге, доказывает, что небеса – это замкнутое место, четкое и уютное, как дом.

Конечно, и Честертон, и Франциск прекрасно различали «мир сей» – падший, полный суеты и страстей, и «мир бла-

гой»; однако Франциск добровольно отказался от здешних, земных даров – семьи, дома, доброго застолья, а Честертон не отказался. Тем не менее, говоря о Честертоне, некоторые исследователи называют его аскетом, так как он был «прикован к мысли». Существует и другое предположение, дополняющее, а не отвергающее это: может быть, он видел, что в наши дни, как между боями или в лагере, просто не нужны добровольная нищета и добровольное унижение. Именно об этом мне говорил осенью 1966 года Генрих Бёлль и даже написал статью, к сожалению, неопубликованную.

Как бы то ни было, Честертон глубоко почитал освященный многовековым опытом путь к совершенству; однако в романах, рассказах и даже эссе он славит и постоянно описывает людей, принявших дары «благого мира». В статье о Бернарде Шоу, напечатанной в сборнике 1984 г.[2], к сожалению, нет конца (его зачеркнули в корректуре), а заканчивается она так: «Когда Христос основал Свою великую Церковь, он положил в ее основание не боговидца Иоанна, не гениального Павла, а простака, ловчилу, труса, словом – человека». У Честертона всего два героя вроде Франциска, скорее даже вроде ангела; первый из них – афонский монах, второй – раскаявшийся вор. Остальные «добрые христиане» у Честертона разные, но далеко не такие светоносные, от простодушного и мудрого отца Брауна до людей самого что ни на есть «слабого посола». Иногда кажется, что Честер-

[2] См.: Честертон Г. К. Писатель в газете. М., 1984. С. 66–70.

тон чуть-чуть сдвигает границу «благого мира», захватывая что-то из «мира сего», – он чрезвычайно терпим к довольно спорным свойствам «людей Петра», к прижимистости, скажем, к воинственности, к самой нетерпимости.

Вполне возможно, что он опасался, как бы легкость Франциска не истолковали неверно, не приняли за аномию и анархию. Ведь это бывало – и в движениях средневековья, и в недавних поветриях, когда, скажем, хиппи совершенно серьезно сравнивали себя не только с Франциском, но и с апостолами, если не с Христом. Честертон постоянно напоминал, что он – «упорствующий в правоверии», и в этом он снова едва ли не уникален теперь. Он никогда не уклонялся ни «вправо», ни «влево», не ставил ни на беззаконный порядок, ни на беззаконную свободу, но отстаивал единство доброй свободы и доброго порядка. Они нераздельны для него, они необходимы *вместе.* Во многих книгах это просто показано, как бы роздано героям, в нем самом – соединено, и уже поэтому он всегда стоит против мира. Качнет к «игровому сознанию», снимающему различие между добром и злом, к аномии, к анархии – те, кто попроще, признают Честертона своим, те, кто прозорливей, возненавидят. Качнет к насильственной добродетели – то же самое. А он упорно отказывается жертвовать ради порядка уважением к чужому пути, ради свободы – нетленными нравственными ценностями.

Поэтому книга о Франциске неполна без книги о Фоме. Как и многие герои Честертона, эти святые тоже «вместе

кроят мир». Опасно, если покажется, что эсхатологическая легкость Франциска исключает для христиан спокойную разумность Фомы. Но опасно и другое (теперь, в отличие от 60-х годов или XIX века, чаще забывают именно это). Обратившись, люди нередко обретают какое-то неприятнейшее, важное благополучие. Некоторые считали, что оно есть у Честертона. Это не так. Иоанн XXIII, «папа XXI века», снова напомнивший миру о незащищенности, вызове и милости христианства, прекрасно поладил бы с таким апологетом. Но в самом трактате о Фоме радость и здравомыслие не всегда уравновешены той скорбью и тем «безумием», без которых христианства нет. Видимо, «Франциска» без «Фомы» публиковать не так опасно, как «Фому» без «Франциска». Или, точнее, теперь опасно публиковать одного «Фому», лучше подождать, пока у нас не станет меньше неофитов, которые как бы выше незнания, сомнений, страданий. (Именно «подождать» – сделать здесь что-либо трудно.) Конечно, такой же «оскорбительный оптимизм» есть повсюду; но в христианстве он очень уж странен – где же глубина и мудрость Писания? Приходится помнить о том, что это – реакция на тьму и полную растерянность.

Наконец, еще одна трудность, уже не внутренняя, а внешняя. Наверное, время повлияло на трактаты – часто мы (те, кто открыл и полюбил Честертона тридцать или сорок лет назад) сами думаем, что он устарел. Случайно ли в самом конце 60 – начале 70-х появился в России Клайв Стейплз

Льюис? Начинались годы, когда с самыми простыми нравственными понятиями стало твориться что-то странное. Может быть, такая усталость, все ближе подводящая к полной аномии, была неизбежной – рассыпались идеалы, а это всегда опасно, хотя не опасней идолопоклонства. Строгий, взрослый Льюис тоже лишен важности и слащавости, но он обращен к иным людям, живущим на другой ступени лестницы, ведущей прочь от веры и от нравственности. Честертон сегодня может показаться уже не легким, а легковесным, словно мы старше его. Но не исключено, что это иллюзия. Очень вероятно, что его простота и радость вообще неподвластны времени, связаны лишь с вечностью, и правы те, кто считает его мистиком, визионером, видящим преображенный мир.

И самое последнее: для таких книг, как эта, условия сейчас не очень благоприятны. Важности, пошлости, слащавости, просто какой-то дикости вокруг «религиозных тем» уже столько, что даже Честертон может вызвать инстинктивную неприязнь как раз у самых чутких и чувствительных людей. Легче всего понять именно их.

И все-таки, сколько бы сомнений ни вызывали его книги, повторим то, что сказал С. С. Аверинцев в послесловии к первому сборнику очерков Честертона: «…честертоновское видение вещей сплошь да рядом бывает вызывающе неверным в конкретных частностях и неожиданно верным, даже точным, в том, что касается общих перспектив, общих про-

порций… Любая тема – предлог, чтобы еще, и еще, и еще раз поговорить о самом главном: о том, ради чего люди живут и остаются людьми, в чем основа, неотчуждаемое ядро человеческого достоинства… Неистощимый, но немного приедающийся поток фигур мысли и фигур речи, блестки слога, как поблескивание детской игрушки, – и после всего этого шума одна или две фразы, которые входят в наше сердце. Все ради них и только ради них»[3].

Н. Трауберг

[3] Честертон Г. К. Писатель в газете. С. 336.

Глава 1
Как писать о святом Франциске

В наше время в нашей стране очерк о святом Франциске можно написать одним из трех способов. Писатель должен выбрать, и я выбрал третий – по-видимому, самый трудный. Точнее, он был бы самым трудным, если бы два других не были невозможны.

Во-первых, он может рассматривать этого великого и поразительного человека как историческое лицо, воплощение общественных добродетелей. Он может описать святого народолюбца как единственного в мире демократа (и окажется прав). Он может сказать (хотя это и очень мало значит), что святой Франциск обогнал свой век. Может сказать (с полным основанием), что святой Франциск в то же время предвосхитил все лучшее, либеральное, доброе, что есть в современном мире, – любил природу, любил животных, жалел бедных, понимал духовную опасность богатства и даже собственности. Все, чего не знали до Уордсворта[4], знал святой Франциск. Все, что открыл нам Толстой[5], само собой разу-

---

[4] Уордсворт Уильям (1770–1850) – знаменитый английский поэт, воспевавший природу.

[5] Все, что открыл нам Толстой – Честертон имеет в виду учение о непротивлении злу насилием, которое развивал великий русский писатель Толстой Лев Николаевич (1828–1910).

мелось для святого Франциска. Его можно представить читателю не просто добрым, а гуманным, первым героем гуманности. Многие считали его утренней звездой Возрождения. И, по сравнению со всем этим, его аскетическую набожность можно не принимать во внимание; можно отмахнуться от нее, как от неизбежной в его век случайности, которая почему-то не привела к несчастному случаю. Можно счесть его веру суеверием, досадным предрассудком, от которого не мог освободиться даже гений, и прийти к выводу, что несправедливо осуждать Франциска за самоотречение и нечестно ругать его за безбрачие. Ведь и с такой отдаленной точки зрения он останется героем. Даже так найдется что сказать во славу человека, который отправился к сарацинам, чтобы прекратить крестовые походы, и защищал птиц перед императором. Можно объективно и учено описать ту силу, которая отразилась в картинах Джотто[6], в поэмах Данте[7], в мираклях[8], положивших начало нашему театру, и во многих других, столь ценимых нами вещах. Можно писать историю святого, обходя Бога. Это все равно, что писать о Нансене, ни словом не упоминая Северный полюс.

---

[6] Джотто – Анджиолетто ди Бондоне (1266–1337) – знаменитый итальянский художник. Есть портрет святого Франциска его работы.

[7] Данте Алигьери (1265–1321) – величайший итальянский поэт, автор трилогии «Божественная комедия». Повествование о святом Франциске входит в третью часть «Божественной комедии» – «Рай».

[8] Миракли – средневековые спектакли, сюжетом которых были чудеса из жизни Христа, Девы Марии или святых.

Возможна и другая крайность. Религиозный энтузиазм может стать героем книги, как был он героем францисканства. Можно писать о вере как о реальности, какой она и была для реального Франциска. Можно отыскать особую, суровую радость в парадоксах аскезы и святой нелепице смирения. Можно испещрять бумагу печатями стигматов[9] и расписывать посты как схватки с драконом, пока в смутном современном сознании святой Франциск не станет суровым, как святой Доминик[10]. Короче говоря, можно сделать негатив, на котором тьма и свет поменяются местами. Для глупых все это будет непроницаемо, как ночь; для большинства умных – невидимо, как серебро на белом. Такую биографию святого Франциска не поймут те, кто не верит, как он, и поймут лишь отчасти те, кто не любит, как он. Одни сочтут его слишком плохим, другие – слишком хорошим для этого мира. Но так написать я не могу. Только святой может описать жизнь святого. Мне это не под силу.

Наконец, можно попытаться сделать то, что попытался сделать я, хотя, как я уже говорил, возникнут новые трудности. Можно поставить себя на место беспристрастного и любознательного современного человека. Я сам был таким и еще не до конца изменился. Можно для начала стать на точ-

---

[9] Стигматы – особые знаки (язвы), появлявшиеся у глубоко верующих людей в тех местах, где тело Христа было пронзено гвоздями.

[10] Святой Доминик – Доменико Гусман (1170–1221) – основатель ордена проповедников (доминиканцев), настаивал на строгом соблюдении предписанных монахам трудов и постов. Позднее в руках доминиканцев оказалась инквизиция.

ку зрения людей, которые восхищаются в святом Франциске тем, чем вообще привыкли восхищаться. Другими словами, можно предположить, что читатель по меньшей мере стоит на уровне Ренана и Мэтью Арнольда[11], и, исходя из этого, попытаться объяснить ему то, чего не объяснили они. Можно объяснить непонятное через понятное. Можно сказать: «Этот человек действительно жил на свете, и многим из нас по душе его жизнерадостность, его милосердие и щедрость. Но были у него и некоторые другие качества, ничуть не менее искренние, которых мы не понимаем и даже боимся. Однако это человек, а не семья и не племя. То, что несовместимо для нас, вполне совместимо для него. Не можем ли мы, используя то, что мы знаем, понять эти, другие стороны, столь темные для нас и до смешного непохожие на все, что любят теперь?» Конечно, я не надеюсь решить такую сложную психологическую задачу в моем коротком, поверхностном очерке. Я просто хочу сказать, что буду все время обращаться к дружественному и непосвященному читателю. Я не рассчитываю ни на большее, ни на меньшее. Материалисту безразлично, можно ли примирить эти противоречия. Верующий вообще не увидит здесь противоречий. Но я пишу для обычного современного человека, не враждебного, не скептического, и разрешаю себе надеяться, что привычно живо-

---

[11] Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) – французский филолог, историк христианства, автор книги «Жизнь Иисуса», в которой Иисус выведен как реально существовавший в истории человек. Арнольд Мэтью (1822–1888) – английский поэт и критик, разоблачитель «викторианства».

писные, подкупающие черты Франциска помогут мне хоть немного показать его сущность. Я надеюсь, что читатель чуть лучше поймет, почему поэт, воспевающий солнце, прятался в темной пещере; почему святой, жалевший Брата Волка, был столь суров к Брату Ослу[12]

[12] В «Цветочках» Франциска Ассизского рассказывается, как он обратился с проповедью к «Брату Волку» и убедил его заключить мир с людьми. Свое тело Франциск называл «Братом Ослом» и не давал ему пощады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.